

Глава 4: Экзамен

— Я твой отец.

Сознание Ци Жаня опустело, словно все мысли вырвали с корнем, и в ушах осталось лишь эхо этих слов.

Сун Юйцин — новоиспечённая жена его приёмного отца.

Его юная мачеха.

Ци Жань не мог подобрать слов, чтобы описать то, что чувствовал.

У Сун Юйцина и Ци Чжэнцина даже свадьбы не было.

Их связывало только свидетельство о браке.

Отношения с Ци Чжэнцином были настолько натянутыми, что сегодня Ци Жань по сути впервые встретил Сун Юйцина.

На полу неподвижно лежал Пэй Хуай со светлыми золотистыми волосами — словно мёртвая собака.

Пэй Ло взглянул на распростёртого Пэй Хуая и сказал Сун Юйцину: — Я оставляю его тебе.

— Мм. Сун Юйцин поднял взгляд и спокойно посмотрел на Пэй Ло. — Спасибо.

Это было простое «спасибо», но Пэй Ло дёрнулся, словно его ударило током, и быстро отвернулся. Голос его прозвучал напряжённо: — Не стоит.

Сун Юйцин сел на то место, где раньше сидел Пэй Хуай, и вздохнул: — 88, завтра я обязательно съем на две миски риса больше.

88: — ...

Лучше бы ты сдержал слово.

Сун Юйцин уставился на руку Пэй Хуая, словно размышляя, не пнуть ли его ещё пару раз, пока он без сознания.

Он легонько постучал носком туфли по запястью Пэй Хуая, словно найдя это занятие бессмысленным, затем встал и ушёл.

Лёгкое прикосновение — невесомое, но для такого самолюбивого человека, как Пэй Хуай, оно было полно унижения: кто-то наступил ему на руку.

Пэй Хуай, будучи без сознания, но не до конца: — ...

*Ладно. Пусть только попадётся мне.

Сун Юйцин.*

Той ночью в комнате 3216 находились только один человек и одна змея.

Ци Жань остался в школьном лазарете, а Пэй Хуай — в спортзале, куда его бросил Сун Юйцин.

Что касается другого соседа по комнате, поговаривали, что он давно не появлялся в школе.

В темноте ледяные голубые глаза Лань Балуня сверкали холодным светом; зрачки его были щелевидными — две трещины.

Опасные, но завораживающие.

Лань Балунь скользнул под одеяло Сун Юйцина — врождённая привычка змей сворачиваться кольцами заставила его обвить снежно-белую лодыжку.

Холоднокровное чешуйчатое создание бесстыдно делило тепло.

Сун Юйцин проснулся. Схватив маленькую змею, он и без того был в скверном настроении, и теперь его обычно холодные, снежные глаза окрасились раздражением. — Кусаеть руку, которая тебя кормит?

Маленькие глазки Лань Балуня невинно уставились на Сун Юйцина.

Сун Юйцин вытащил змею из постели.

Хвост змеи активно обвился вокруг тонких пальцев Сун Юйцина, заискивая и подлизываясь, но Сун Юйцин без колебаний вышвырнул её в окно.

Лань Балунь пролетел по гладкой параболической дуге и наконец приземлился на ветку в

висячем саду на девятнадцатом этаже. Недовольно свернувшись на ветке, он зашипел, высывая раздвоенный язык.

Прошлой ночью и Ци Жань, и Пэй Хуай оказались в больнице, добавив немного оживления в скучную школьную жизнь.

Те, кто не знал правды, предположили, что Ци Жань дал отпор Пэй Хуаю и умудрился отправить его в школьный лазарет.

Многие сбивались в группы и навещали Ци Жана и Пэй Хуа.

В основном чтобы посмотреть, как Пэй Хуай будет срывать злость на Ци Жана в больнице.

Школьный лазарет был отдельно стоящим зданием.

Его классические кирпичные стены покрывал плющ, несущий на себе следы времени. Покатая крыша была выложена слоями тёмно-красной черепицы, а под карнизами красовались замысловатые узоры.

В арочные окна вставили витражи, и солнечный свет, проходя сквозь них, отбрасывал на пол разноцветные узоры.

Острая игла вонзилась в вену, и холодная жидкость вошла в тело Ци Жана.

Ци Жань сидел безучастно, пряди чёрных волос частично закрывали глаза, взгляд его был окрашен мрачностью.

Тук-тук-тук!

Тук-тук-тук!

Бесчисленные руки стучали по стеклу, бесчисленные насмешливые лица прижимались к окну.

Наконец эти руки не смогли больше сдерживаться, и окно открыли снаружи.

Ци Жань поднял голову.

Там стояла неожиданная фигура — Сун Юйцин.

Пальцы Ци Жана слегка дёрнулись. Что он здесь делает?

Сун Юйцин стоял в стороне от толпы, длинные густые ресницы его были опущены, весь он был отчуждённым, словно иней на зимней ветке. Единственным ярким пятном на нём была кроваво-красная родинка на мочке уха.

Он выглядел несколько утомлённым, не обращая внимания ни на тех, кто с нетерпением разглядывал его, ни на Ци Жаня.

Появление Сун Юйцина вызвало волнение среди толпы, собравшейся у школьного лазарета и жаждущей нарушить покой Ци Жаня. — Дай я устрою тебе шоу, хорошо?

— Милашка... Хочешь увидеть, как Ци Жань плачет? Я заставлю его плакать ради тебя.

Ци Жань: — ...

Милашка?

Та самая милашка, которая дала Пэй Хуаю две пощёчины, а мне — одну?

Сун Юйцин поднял взгляд на птиц на ветке — ряд длиннохвостых синиц, похожих на маленькие клейкие рисовые шарики, примостились на дереве.

Когда одна наклонила голову, остальные последовали её примеру; несколько пар глазок-бусинок с любопытством уставились на Сун Юйцина.

Чирик-чирик!

Шум и гам стояли такие, будто в голове застряла сотня воробьёв.

Пэй Хуай и без того был в плохом настроении после того, как его сбили в гимнастическом зале, и теперь, услышав суматоху снаружи, его лицо стало ещё мрачнее.

Заметив выражение лица Пэй Хуая, Пэй Ло открыл окно и замер, увидев сцену внизу.

Пэй Хуай едва сдерживал свой нрав, нахмурившись. — Что ты там увидел? Чего застыл?

Пэй Ло опомнился, с губ его сорвался шёпот: — Сун Юйцин.

Сун Юйцин.

Голос Пэй Хуая прозвучал надменно и холодно, как у тираничного, высокомерного монарха. —

Пришёл извиниться?

Унизительное воспоминание о том, как его хватали за волосы и заставляли поднять голову, всё ещё было свежо в памяти.

Именно с таким же холодным, бесстрастным лицом Сун Юйцин ударил его.

Альфа слегка прикусил щёку изнутри — там всё ещё пульсировала боль от вчерашней пощёчины.

Место, где зубы порезали кожу, горело, словно выжженное раскалённым железом, с тупым онемением.

Движения Пэй Хуая были едва заметными и медленными, он проверял глубину раны, словно заново переживал и запоминал тот момент унижения и обиды.

Такой дикий бета? Неужели альфа-приёмный отец Ци Жаня, стоящий одной ногой в могиле, действительно мог с ним справиться?

Пэй Хуай собрался с мыслями, в его полуприкрытых глазах вспыхнул свирепый блеск.

— Даже если он встанет на колени и извинится, я не прощу его.

Пэй Ло: — ...

Пэй Ло чувствовал себя странно, не в силах понять, почему он не рад. Голос его прозвучал хрипло: — Он пошёл к Ци Жаню.

Он помог Сун Юйцину с такой большой проблемой вчера, даже с таким хлопотным человеком, как Пэй Хуай.

Когда он открыл окно, Сун Юйцин явно видел его, но не удостоил вторым взглядом, вместо этого сосредоточился на птицах на дереве, и лёгкая улыбка тронула уголки его губ.

Был ли он каким-то никчёмным человеком? В глазах Сун Юйцина он не стоил и несколькихдохлых птиц.

Если он ещё хоть раз обратит внимание на Сун Юйцина или поможет ему, то будет дураком.

Выражение лица Пэй Хуая менялось хаотично.

— Отлично, хорошо, очень хорошо.

Он рано или поздно расквитается с Сун Юйцином за ту пощёчину.

Сун Юйцин упустил свой последний шанс на примирение.

Ци Жань поднял веки. — Тебе не нужно беспокоиться обо мне. У меня с ним плохие отношения.

Под «ним» явно подразумевался Ци Чжэнцин.

— Даже если ты попытаешься ко мне подлизаться, это бесполезно.

Сун Юйцин не ответил, сосредоточившись на том, чтобы чистить яблоко рядом. Его длинные тонкие пальцы держали ярко-красное яблоко, бледные кончики пальцев слегка надавливали на обух ножа. Было ясно, что Сун Юйцин неопытен в этом.

Он, возможно, даже не знал, как правильно чистить яблоко.

Но он сосредоточенно старался, хотя было неясно, слушает ли он то, что ему говорят.

Вспоминая вчерашнюю пощёчину, Ци Жань не был уверен, чистится ли это яблоко для него.

Сун Юйцин потерял терпение и протянул нож Ци Жаню: — Ты почисти. Я хочу есть.

Ци Жань: — ...

Он был пациентом или Сун Юйцин был пациентом?

Наглость была невероятной. Эта его юная мачеха вовсе не пыталась завоевать его расположение.

Ци Жань взял яблоко с холодным выражением лица.

И принялся чистить яблоко для Сун Юйцина.

Ци Жань снова заговорил: — Даже если ты хочешь иметь от него ребёнка, я не возражаю. Ты бета, так что тебе может быть труднее забеременеть, но...

— При достаточных усилиях ты, вероятно, сможешь зачать. Голос Ци Жаня был низким, с ноткой самосмеющейся усмешки.

— Тебе следует сосредоточить свою энергию на нём.

Спать с Ци Чжэнцином, иметь ребёнка от Ци Чжэнцина.

Солнечный свет струился сквозь окно, отбрасывая пятнистый свет на слегка опущенные веки Сун Юйцина.

Сун Юйцин, казалось, погрузился в размышления.

Когда Сун Юйцин снова поднял голову, в его глазах была только полная отстранённость и усталость — холодность, которая держала других на расстоянии.

— Ничего такого.

— Ты тоже болен.

Взгляд, полный презрения, словно на человека с психическим расстройством.

Сун Юйцин встал со стула, завершив визит менее чем за пять минут.

Сун Юйцину даже не досталось яблоко, которое почистил Ци Жань.

Лезвие ножа порезало ему палец, и ярко-красные капли крови сочились из раны, медленно стекая по кончику пальца и капая на снежно-белые простыни, оставляя пятно. Взгляд Ци Жаня был тёмным и пристальным, прикованным к багровому пятну крови на простыне.

— Этот мир таков, — посоветовала 88. — Тебе нужно принять это.

Альфы полностью доминируют, рассматривая два других пола как низшие и угодливые забавы.

Тщательно выращенные омеги считаются сосудами для деторождения. В высшем обществе они — циркулирующий ресурс, живущий как растения-паразиты, зависящие от альф для роста и черпающие от них питание.

Даже беты, менее способные к размножению, в их глазах выглядят как те, кто желает соблазнить альф, чтобы выносить их детей, стать любовниками благородных альф и получить ресурсы.

Особенно кто-то вроде Сун Юйцина, который пришёл из трущоб и привязался к альфе из высшего общества, — это только заставляет людей думать, что он пойдёт на всё.

— Почему я должен это принимать?

— тон Сун Юйцина был холодным, не яростным возражением, а скорее походил на вопрос о том, что будет на ужин.

88 промолчала. Но что он мог поделать, если не принимал этого?

Сун Юйцин был всего лишь бетой. Должен ли он был бороться против всех здесь?

Ввязываться в какую-то бессмысленную, безнадёжную борьбу, только чтобы быть пойманным и запуганным альфами, пока не сломается и не извинится?

— Сун Юйцин, — сказал альфа, — ты пришёл в школьный лазарет, чтобы проверить свою репродуктивную систему? Он преградил путь Сун Юйцину, его светло-серые глаза впились в Сун Юйцина, зрачки слегка сузились.

Как у хищника, только что заметившего добычу, в его взгляде читалось плохо скрываемое возбуждение.

Ресницы Сун Юйцина слегка дрогнули, когда он встретил взгляд альфы. — С тобой всё в порядке?

Слова Сун Юйцина полностью нарушили ритм Гу Цзинтана — он ожидал, что Сун Юйцин побежит от него.

Он представлял, как будет преследовать Сун Юйцина, словно кошка, играющая с мышью.

Острота погони вызвала бы выброс адреналина.

Напряжение, волнение и даже лёгкая опасность преследования и бегства сделали бы Сун Юйцина ещё более соблазнительным.

Но Сун Юйцин не сделал попытки убежать. Вместо этого он спросил: — С тобой всё в порядке?

Вспышка замешательства промелькнула в светло-серых глазах Гу Цзинтана, за которой последовало чувство разочарования.

Если бы это было возможно, он предпочёл бы увидеть, как Сун Юйцин выпускает на него

когти, как в тот день в кабинете.

Гу Цзинтан: — Благодаря тебе я здесь, чтобы поставить капельницу.

— Мм, — медленно произнёс Сун Юйцин. — Тебе нужно, чтобы я тебя осмотрел?

Медицинская лаборатория на третьем этаже — внешне часть школьного лазарета — на самом деле была секретной медицинской лабораторией, используемой для нетрадиционных экспериментов или исследований.

«Виктор Юнайтед» была всего лишь старшей школой, но её лазарет был далеко не обычным.

Напротив, он был оснащён современным медицинским оборудованием, укомплектован профессиональной медицинской командой и даже имел специальные медицинские лаборатории.

Студентам разрешалось проводить здесь экспериментальные процедуры.

На двери висела табличка: «Посторонним вход воспрещён».

Внутри комнату заполняли ряды холодных приборов и мерцающие экраны.

В воздухе витал запах дезинфицирующего средства. Химикаты без этикеток и документы громоздились в углах, а соответствующие книги были разбросаны по столам, некоторые с наспех написанными заметками, заложенными между страниц.

На стене висела структурная диаграмма репродуктивной системы беты.

Внешне всё это походило на редко используемую медицинскую лабораторию.

— Как ты собираешься меня осматривать?

— Гу Цзинтан откинул голову назад, приняв доминирующую позу.

Он смотрел, как Сун Юйцин натягивает резиновые перчатки.

Это были руки, достойные того, чтобы их законсервировали в формальдегиде как образцы.

Кости чётко выступали.

Пальцы длинные и бледные.

Резиновые перчатки туго натянулись, подчёркивая костистую форму рук.

Сун Юйцин поднял руку, приподнял веки и уставился холодным взглядом на альфу.

Гу Цзинтан неожиданно замер на мгновение.

Ресницы Сун Юйцина слегка опустились. — Я собираюсь осмотреть твою железу.

В комнате стало так тихо, что можно было услышать, как падает иголка.

Железа альфы — самое чувствительное место альфы — и вот Сун Юйцин, бета, хочет прикоснуться к ней.

Гу Цзинтан впился взглядом в глаза Сун Юйцина, уголок его рта искривился в жестокой, насмешливой улыбке.

— Такой нетерпеливый?

— Ты пытаешься меня соблазнить?

Сун Юйцин плотно прижал пальцы к железе альфы, методично следуя шагам процедуры осмотра, которые заучил наизусть.

Он сравнил свои находки со знаниями о железах альф, хранящимися в его сознании, и пришёл к выводу:

— Область железы заметно опухшая.

— На ощупь тёплая.

— Концентрация феромонов в три раза выше, чем у нормального альфы.

88 была поражена тем, как быстро Сун Юйцин усвоил знания — он смог воспроизвести всю процедуру после одного прочтения.

88 также была удивлена, что Сун Юйцин использовал альфу, с которым боролся всего днём ранее, как «пациента» для практики того, что выучил.

Гу Цзинтан ненавидел чувство, когда Сун Юйцин надавливал на его железу. Он ненавидел, когда его осматривали, ненавидел потерю контроля.

Тем, кого контролируют, преследуют и умоляют о пощаде, должен был быть Сун Юйцин.

Феромоны альфы медленно распространялись в воздухе — насыщенный, пьянящий аромат красного вина, несущий соблазнительную привлекательность.

К сожалению, Сун Юйцин был бетой; эти феромоны были бесполезны против него.

Он не мог ощутить двусмысленное искушение феромонов, бросающих вызов своему хозяину.

Но альфа, чью железу сжимал Сун Юйцин, пришёл в возбуждение от холодного, свежего, как снег, запаха Сун Юйцина.

— Ты так же осматриваешь железу того старика дома?

— Играете в доктора и пациента?

— Вот так ты охмуряешь полумёртвого старика, чтобы он попал под твои чары?

Выражение лица Сун Юйцина оставалось холодным, когда он резко провёл ногтем по железе альфы.

Боль была похожа на укол острой иглы в самое уязвимое место альфы.

Смесь боли и необычных ощущений на мгновение дезориентировала Гу Цзинтана.

— Ты вообще знаешь, что делаешь?

— тон Гу Цзинтана слегка смягчился, словно он притворялся уязвимым. — Сун Юйцин, кто я тебе...

Сун Юйцин опустил взгляд и снял перчатки.

Он спокойно выбросил резиновые перчатки в мусор.

Рука его сжала дверную ручку.

— Железа опухшая, концентрация феромонов более чем в три раза превышает нормальный уровень.

Стройный, холодный и отстранённый силуэт, словно сошедший с классической масляной картины. Гу Цзинтан почти прожигал взглядом дыру в тонкой спине Сун Юйцина.

— Иными словами, ты пёс в течке, который гоняется за всем, что движется. Безжалостная насмешка, произнесённая ровным, размеренным тоном беты; голос Сун Юйцина был похож на мягкий шелест падающего снега, тяжесть которого ломает хрупкие ветви.

К тому времени, как снег улёгся, фигура уже исчезла.

Гу Цзинтан прищурился, уставившись на одинокую пару резиновых перчаток в мусорном ведре.

Медленная, многозначительная улыбка тронула уголки его губ. *Сун Юйцин, такой низкорождённый бета, который умел только соблазнять альф...

Посмел назвать его псом в течке? Очередная игра в — горячо-холодно?

Он играл в ту же игру — горячо-холодно с тем стариком?*

При этой мысли глаза Гу Цзинтана потемнели от тени.

17Л: Этот парень был таким красивым, что у меня слов не было. Наверняка омега, да? Если бы я мог пометить его, в его детородную полость...

89Л: Вы все такие жалкие. Всего лишь лицо — а вы уже взвинчены, как псы в течке, кружится голова и вы теряете ориентацию.

106Л: Он был первым человеком, который так мне понравился с тех пор, как я пришёл в эту школу. Даже от мысли, что он надавит на мою железу, меня заводило.

178Л: Его холодное выражение лица так заводило. Я правда хотел быть его собакой.

182Л: На этом фото он выглядел таким нежным. Я хотел помочь ему. Я даже не смел представить, как хорошо было бы трахнуть его.

201Л: Ещё больше подходит для того, чтобы его испачкать: лицо полностью закрыто, ресницы опущены, липкие и смазанные. Чем он холоднее, тем больше он создан для того, чтобы его задирали до слёз.

218Л: В любом случае, я просто не понимал, из-за чего весь сыр-бор.

224Л: Если бы я мог с ним встретиться, я бы согласился, даже если бы он дал мне пощёчину.

Из-за того мимолётного взгляда, брошенного сегодня утром в школьном медпункте, богатые дети из Межконтинентального класса на мгновение забыли о Сун Юйцине.

На мгновение забыли об унижении Сун Юйцина, о том, чтобы заставить его потерять лицо.

Они помнили только ослепительного, холодного и отстранённого красавца, появившегося из ниоткуда.

Фантазируя, что он станет их одноклассником.

Только вот их одноклассником был тот ничем не примечательный бета — Сун Юйцин.

Ученики Межконтинентального класса были несколько разочарованы, их недовольство Сун Юйцином росло.

— Так не повезло оказаться в одном классе с Сун Юйцином.

— Низкорождённый бета — я правда не хотел быть в одном классе с Сун Юйцином.

— Наверное, он омега, да? Я всё ещё девственник. Я правда хочу облизать его всего, хочу, чтобы он позволил мне...

За окном класса медленно прошла фигура.

Люди в классе тоже явно заметили эту фигуру. Воздух в комнате мгновенно застыл, словно даже дыхание прервалось.

Улыбки на лицах тех, кто как раз поливал грязью, внезапно застыли, рты всё ещё оставались полукруглыми, но они не могли издать ни звука.

Сун Юйцин вошёл в класс, прижимая к груди стопку книг.

Фигура беты была стройной, его манера поведения — холодной и отстранённой, чрезмерно бледный цвет лица придавал ему хрупкую ломкость, будто он мог разбиться от малейшего прикосновения.

Кто-то пришёл в себя первым и растерянно спросил:

— Одноклассник, ты...

Сун Юйцин опустил взгляд, его тон был безучастным.

— Сун Юйцин.

□ Глава подготовлена командой Webnovels

Нашли ошибку или неточность? Напишите в комментариях — подарим вам бесплатную главу □

Спасибо, что читаете нас □

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/18118/1743018>